

К вопросу о генезисе федоровской и черкаскульской культур (по материалам погребального обряда)

И. А. Котельникова

The author deals with a question of genesis of the Fyodorovo and Cherkaskul cultures basing on burial rite materials. In Southern Trans-Urals, the rites of the Fyodorovo monuments demonstrate a considerable similarity to those of the developed and late phases of the Cherkaskul culture. It makes us cautiously treat the ideas on dividing the Koptyakovo stem into the Cherkaskul and Fedorovo stems, or dividing the pre-Koptyakovo stem into the Koptyakovo, Cherkaskul and Fedorovo stems. Availability of the common elements in the burial rites could be explained by the intensive contacts which by the way had never led to assimilation of the Cherkaskul people by the Fyodorovo people.

Вопрос о генезисе федоровской и черкаскульской культур является весьма сложным и дискуссионным. Существует несколько точек зрения по данному вопросу.

К. В. Сальников связывал возникновение черкаскульской культуры в лесном Зауралье с процессом развития местных неолитических культур, а сходство в керамике федоровцев и черкаскульцев объяснял родственностью культур эпохи неолита и энеолита «на огромной территории урало-казахстанской культурно-исторической общности», охватывающей степь, лесостепь и лесную полосу. Автор высказал мнение о синхронности черкаскульской посуды с федоровским этапом андроновской культуры и датировал ее соответственно XVIII–XVI вв. до н. э. [Сальников, 1967, с. 363–364]. В. С. Стоколос считал черкаскульскую культуру, наряду с алакульской, местной зауральской (черкаскульская — лесная, алакульская — степная), а федоровскую — культурой пришедшей в Зауралье [1972, с. 91–96, 132–146]. Л. П. Хлобыстин предполагал, что черкаскульская культура генетически связана с коптяковской, которая, в свою очередь, сложилась «в результате продвижения ранних алакульцев с территории Северо-Западного Казахстана в лесное и лесостепное Зауралье и их ассимиляционного воздействия на местную аятскую культуру» [1976, с. 58, 61–62]. Формирование коптяковской культуры автор связывал с XVI–XV вв. до н. э., черкаскульской — с XIV в. до н. э. Мощный андроновский импульс, по мнению Л. П. Хлобыстина, определил специфику сложения черкаскульской культуры на северо-западе. М. Ф. Косарев высказал мнение, которого, в общих чертах, придерживаются еще ряд исследователей [Потемкина, 1985; Обыденнов, Шорин, 1995], о возможности формирования федоровской культуры в непосредственном соседстве с раннечеркаскульским и позднебаланбашским ареалами в пограничье тайги и лесостепи между Уральским хребтом и р. Тоболом [Косарев, 1984, с. 3–4]. Данное предположение основано главным образом на сходстве черкаскульской и федоровской посуды с коптяковской и абашевской. Коптяковская керамика локализуется на поселениях свердловско-тагильского региона и, по мнению М. Ф. Косарева, может быть датирована XVI–XIV или XVI–XIII вв. до н. э. Исследователь трактует ее орнаментику как новый этап в развитии традиции гребенчатого геометризма лесного Зауралья, зародившейся еще в эпоху неолита, и усматривает генетическую связь коптяковского орнаментального комплекса, с одной стороны, с более ранним, аятским, с другой — с более поздними, черкаскульским и федоровским [Косарев, 1981, с. 77–81, 112–116]. М. Ф. Обыденнов и А. Ф. Шорин склоняются к мысли, что коптяковская, черкаскульская и федоровская керамика развивались на единой основе, из посуды с так называемым нерасчлененным декором, сочетающим в себе элементы всех трех орнаментальных схем. Впоследствии часть среднеуральского населения, изготавливавшая керамику, орнамент которой были свойственны федоровские черты, сдвинулась в лесостепные и северостепные районы Зауралья и Казахстана и внесла свой вклад в сложение федоровской культуры [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 47–48].

Следует отметить, что эти точки зрения основываются главным образом на анализе керамического материала и в гораздо меньшей степени — погребального обряда. На наш взгляд, если гипотеза о родстве черкаскульцев и федоровцев верна, то не только в керамическом комплексе, но, по-видимому, и в погребальной обрядности этих групп населения, а возможно, и поздних абашевцев, а также коптяковцев должно быть немало общего. К сожалению, баланбашские и коптяковские могильники в Южном Зауралье пока не открыты, поэтому мы имеем возможность сравнивать лишь черкаскульские и федоровские погребальные памятники [1].

При характеристике погребального обряда учитывались следующие данные: вид надмогильного сооружения; форма ограды; строительный прием; система пристроек; жертвенный комплекс; следы огня; планировка, ориентировка, вид могилы; вид перекрытия; способ погребения; количество сосудов и их расположение в могиле; украшения; орудия труда; кости животных. Федоровский погребальный обряд Южного Зауралья анализировался нами по материалам 14 могильников: Федоровского [Сальников, 1940], Чурилово, Нурбаково, Исаковского, Смолино, Сосновского, Сухомесовского, Синеглазово [Андроновская культура, 1966], Туктубаево, Кинзерского [Кузьмина, 1973, 1975], Уреф-

ты I [Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983], Приплодного Лога I [Малютина, 1984], Путиловской заимки II [Зданович, 1988], Солнце-Талика [Виноградов, Костюков, Марков, 1996]. В них раскопано 74 надмогильных сооружения, 98 погребений, которые были атрибутированы авторами публикаций как федоровские.

Погребальные сооружения представлены земляными насыпями (49 %) и курганами-оградами — земляными насыпями в сочетании с каменными конструкциями (51 %).

Ограды имеют круглую, овальную и прямоугольную форму. Наиболее широко распространены одиночные круглые ограды (68 %). Они преобладают как в целом по региону, так и в каждом отдельном могильнике. Овальные и прямоугольные конструкции встречаются в меньшем количестве (16 и 12 %). Сооружения удлиненных форм (овальные, прямоугольные) содержат обычно несколько могил.

Только одно сооружение представляло собой систему пристроек — курган № 6 в могильнике Путиловская заимка II. Под насыпью находились две круглые ограды, одна из которых пристроена к другой. Внутри каждой ограды имелось по одной могильной яме, которые почти параллельны [Зданович, 1988, с. 95]. При возведении оград федоровцы использовали три приема — горизонтальную, вертикальную и комбинированную кладку. Большинство сооружений построено посредством горизонтальной (56 %) и вертикальной (32 %) кладки. Третий способ использовался обычно для возведения более монументальных конструкций (12 %).

Планировка могил на погребальной площадке подчиняется трем принципам: центрально-одиночному, линейному и линейно-одиночному^[2]. Преобладают ямы с центрально-одиночной системой планировки (75 %). Линейная планировка изучена в шести могильниках (18 %): Смолино, Путиловская заимка II, Федоровский, Урефты, Туктубаево, Кинзерский, а линейно-одиночная известна только в одном случае (Путиловская заимка II, кург. № 6).

В ориентировке могил четко преобладает широтное направление с сезонными отклонениями (90 %).

В рассматриваемом ареале господствуют грунтовые ямы (50 %) и ямы с деревянными конструкциями (срубы и могилы с обкладкой стенок деревом) (28 %), ямы с каменной обкладкой или перекрытием и каменные ящики встречаются реже (17 и 7 %), еще меньше ям с комбинированной (дерево + камень) обкладкой (5 %).

^[1] Известно только одно коптяковское захоронение, в могильнике Березки Vг. Оно было разрушено более поздними могилами, но сохранившийся *in situ* позвоночник позволил определить ориентировку погребенного — головой на восток. Инвентарь состоял из сосуда коптяковского типа, бронзового ножа и иглы [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 11].

^[2] Здесь использованы выделенные Т. С. Малютиной типы планировки могильных ям в одном погребальном сооружении: «1) центрально-одиночная — когда под насыпью... или в ограде в центре располагалась одна могильная яма; 2) центрально-круговая система включает одну центральную яму и несколько периферийных, расположенных по кругу, под одной изолированной насыпью, в пределах оград; 3) линейные системы планирования образуют две-три-пять ям, расположенных параллельно друг другу в одну или несколько линий, расположенных в одной» (линейная планировка) или сложносоставной (линейно-одиночная планировка) ограде [Малютина, 1994, с. 9–10].

подавляющее большинство погребений представляют собой трупосожжения (85,5 %). Умерших сжигали на стороне, кальцинированные кости помещали в могилы, идентичные по размерам тем, в которых хоронили целые тела. Кремированные останки покойных клали чаще всего у восточной стенки ямы (45 %). Преобладают одиночные трупосожжения (92,6 %). Очень редки парные кремации (7,4 %), взрослые трупосожжения значительно преобладают над детскими (соответственно 85,4 и 4,6 %).

Труположения единичны (4 %), покойных хоронили в скорченной позе, на левом боку. Исследованы только одиночные взрослые погребения. В некоторых могилах, при наличии инвентаря, останки погребенных отсутствовали (10,5 %).

Инвентарь погребений небогат и представлен, как правило, 1–2 сосудами (хотя в редких случаях их количество может достигать до 5 и более). В некоторых могилах кроме сосудов найдены орудия труда (ножи, иглы, шилья, зернотерка), изредка встречаются украшения (бусы, височные кольца, серьги). Во многих погребениях (30 %) находились керамические блюда.

Размещение сосудов в могилах подчинено единственному принципу: при ингумации они стоят возле головы погребенного, при трупосожжении — преимущественно у западной стенки, хотя изредка — когда в указанном месте сложены кремированные останки — сосуды находятся у противоположной стенки, т. е. опять-таки как бы «в головах» погребенного.

Обычно рядом с сосудами, а иногда также в блюдах и сосудах имеются отдельные кости (ребра, лопатки, тазовые, метаподии и др.) мелкого и крупного рогатого скота, лошадей — остатки мясной

напутственной пищи. Чаще для ее приготовления использовалось мясо лошади (56 %) и крупного рогатого скота (28 %).

Изредка в погребальных комплексах встречаются жертвоприношения (5,4 %). Они могут располагаться: 1) на перекрытии могилы или в ее заполнении (результат просадки перекрытия); 2) возле могилы; 3) в стороне от могилы. Зафиксированы следующие виды жертвоприношений: 1) один или несколько сосудов; 2) кости домашних (овца, корова, лошадь, собака) и диких (барсук, лиса) животных — черепа, целые скелеты, остатки различных частей туши. Преобладают жертвоприношения первого вида.

Характерной чертой обрядности федоровцев Южного Зауралья было использование огня. Его следы зафиксированы во многих погребальных комплексах рассматриваемого ареала и представлены: 1) кострищами на уровне погребальной площадки; 2) кострищами на дне могилы; 3) углями в заполнении или на дне могилы; 4) сожжением деревянных могильных конструкций.

В Кинзерском могильнике открыты культовые сооружения федоровцев. Курган 10 имел круглую оградку из камней, уложенных цистовой кладкой на насыпь. Под насыпью, с глубины 0,2 м, прослеживался образующий кольцо слой ярко-красной глины и охры. В этом слое на глубине 0,6 м была расчищена яма размерами 2,6'1,2'0,5 м, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, заполненная красной глиной вперемешку с комками желтой охры. Вдоль стенок ямы прослеживался твердый слой черного цвета, напоминающий керамический шлак. По ее углам были зафиксированы следы четырех столбиков. Под черным слоем, на глубине 0,8–0,9 м, залегал чистый пепел, а ниже, до дна могилы, — чернозем. На дне были найдены: целый сосуд, находившийся у западной стенки, фрагменты еще одного сосуда, лопатка животного. По мнению Е. Е. Кузьминой, первоначально здесь было совершено захоронение по федоровскому обряду, а затем в ритуальных целях неоднократно разводили костер, в котором сгорали обмазанные глиной деревянные конструкции. После каждого такого сожжения площадка засыпалась охрой [Кузьмина, 1975, с. 222].

Под насыпью кургана 33, самого крупного (диаметр 20 м, высота 1,05 м), занимавшего центральное положение в могильнике, погребений не оказалось. В центре насыпи на глубине 0,8–0,9 м (вероятно, на погребенной почве) было расчищено большое кострище, а рядом с ним черепа, ноги, крестец, таз четырех коров и фрагменты как минимум пяти сосудов. В северо-западном секторе, в яме размерами 1,4'0,8'0,65 м, впущенной в материк, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ, лежал скелет теленка, а над ним скелет коровы, ориентированные черепами на ЮЮЗ. В юго-восточном секторе находилось еще одно кострище. Центр кургана был окружен рвом диаметром 14 м [Там же, с. 226–227].

Таковы основные черты и особенности погребального обряда федоровской культуры на территории Южного Зауралья.

По керамическому материалу Н. А. Крутских и А. Ф. Шорин атрибутировали в качестве раннечеркаскульских (XIV–XIII вв. до н. э.) два могильника, Березки Vг и Перевозный Ia, расположенные в лесном Зауралье и занимающие периферию одноименных поселений. В них раскопано 12 погребальных комплексов в виде построенных с помощью горизонтальной кладки круглых бескурганых оградок малых размеров (диаметр от 2,5 до 5,7 м), часть которых имела 1–2 пристройки аналогичной формы. В некоторых оградках (Березки Vг, огр. 3) и пристройках (Березки Vг, огр. 3, пр. 4; Перевозный Ia, огр. 3, пр. 1, 2) погребений не оказалось. По-видимому, это связано с незначительной глубиной могильных ям и поздними разрушениями, поскольку в двух случаях (Перевозный Ia, огр. 3, пр. 1, 2) были обнаружены сосуды. Таким образом, планировка погребальных сооружений была центрально-одиночной (54,5 %) и линейно-одиночной (45,5 %). Ограды и пристройки содержали по одной простой грунтовой яме (всего их 15), ориентированной чаще всего широтно с сезонными отклонениями (83,3 %) и лишь иногда меридионально (16,7 %). Захоронения совершены по обряду ингумации (83,3 %), в некоторых могилах, при наличии инвентаря (сосудов), останки погребенных отсутствовали (16,7 %). Умершие лежали скорченно, на правом боку, головой на восток (85,7 %); лишь в одном случае костяк был ориентирован в противоположную сторону. В головах находились 1–2 сосуда. На дне одной из могил отмечено небольшое пятно прокала. Антропологическое определение было сделано только в одном случае (Березки Vг, огр. 2) — ребенок старше двух лет, но, судя по размерам могил, 45,5 % погребенных были детьми, 36,3 % — детьми или подростками, 18,2 % — взрослыми. Из трех ям без остатков погребенного две соответствовали по параметрам могилам взрослых и одна — могиле ребенка [Крутских, Шорин, 1984, с. 150–162].

Развитая и поздняя фазы черкаскульской культуры в лесном и лесостепном Зауралье представлены могильниками Ново-Буринский [Сальников, 1959], Больше-Караболкский [Стоколос, 1972], Кинзерский [Кузьмина, 1975], Туктубаево [Кузьмина, 1973], Приплодный Лог I [Малютина, 1984], в которых исследовано в общей сложности 12 погребальных сооружений с 31 могилкой. Еще четыре могилы, относившиеся, по-видимому, к несохранившимся погребальным комплексам, раскопаны на могильниках Черняки II [Стоколос, 1968] и Кокшаровский I [Старков, 1970]. Основная разновидность надмогильных сооружений — курганы-ограды (66,7 %), внутри одной из которых находилась вымостка из камней (Туктубаево, кург. 11), вдвое меньше земляных насыпей (33,3 %). Большинство оград имеют квадратную (28,6 %) и прямоугольную (28,6 %) форму, круглые ограды встречаются

ся несколько реже (42,8 %). Ограды могильника Приплодный Лог I обладают локальной конструктивной особенностью — входами из вертикально поставленных плит с восточной и юго-восточной стороны. Под курганом 26 могильника Туктубаево открыта круглая ограда с двумя последовательно сооруженными пристройками — полукруглой и квадратной. Вероятно, сильно разрушенная ограда под курганом 32 этого могильника также имела пристройку. Ограды возводились в основном посредством горизонтальной (37,5 %), в том числе цистовой с напуском внутрь (Приплодный Лог I, кург. 9), и комбинированной кладки (37,5 %). Применялась также вертикальная кладка (25 %). Преобладает центрально-одиночный принцип планировки могил (58,3 %), реже встречается линейный (25 %), еще реже — линейно-одиночный (16,7 %). Чаще всего захоронения совершались в простых грунтовых ямах (77,4 %), реже в ямах с деревянной обкладкой (16,1 %) и срубам (6,5 %). Во многих могилах (48,4 %) сохранились остатки деревянных перекрытий, в двух случаях перекрытие было комбинированным — из камня и дерева. Некоторые погребения оказались спаренными: они имели общее перекрытие, а ниже разделялись на два «отсека» материковой перегородкой (Приплодный Лог I, кург. 10, погр. 1; Кинзерский, кург. 15, погр. 1). Почти все могилы (90,3 %) были ориентированы по оси запад — восток с сезонными отклонениями, меридиональная ориентация встречалась очень редко (9,7 %). Половина погребений содержала одиночные кремации, произведенные на стороне (51,6 %), в остальных не было каких-либо останков умерших. Кремированные кости чаще всего находились у западной стенки (55,5 %) или в центре (33,3 %) и лишь изредка у восточной стенки могилы (11,2 %). В инвентарь погребений всегда входили сосуды (от 1 до 6), а иногда еще и четырехугольные блюда (12,9 %). Сосуды располагались, как правило, у западной стенки (76 %), гораздо реже в центре (16 %) и очень редко у восточной стенки могилы (8 %); блюда же всегда стояли у восточной или южной стенки. В некоторых погребениях (16,1 %) были обнаружены остатки мясной напутственной пищи в виде отдельных костей овцы или лошади. В одной из оград был найден череп лошади, на перекрытии погребения 3 в кургане 16 могильника Кинзерский — скелет собаки. Судя по крупным размерам ям, все покойные, подвергшиеся кремации, были взрослыми. Могилы, в которых не оказалось останков умерших, имели аналогичные размеры [Старков, 1970; Кузьмина, 1973, 1975; Малютина, 1984; Стоколос 1972].

В черкаскульских могильниках развитой и поздней фазы имелись сооружения, интерпретируемые исследователями в качестве непогребальных. В могильнике Большая Караболка под курганом была обнаружена яма очень крупных размеров (7,0×1,5 м). В ее заполнении концентрировались угли и фрагменты полуобгоревшего дерева, по стенкам были прослежены куски обожженной коры. В центральной части ямы на дне располагалось кострище длиной около 2 м. В нем были найдены необоженная лопатка, трубчатая кость овцы и горшок. Два других горшка стояли к западу от предыдущего и еще три — у северо-западного угла могилы. Все шесть горшков стояли в ряд вдоль северной стенки. Кострище и обжиг стенок образовались, скорее всего, в результате просадки сгоревшего перекрытия [Андроновская культура, 1966, с. 19].

В могильнике Приплодный Лог 1 раскопано два таких комплекса. Под курганом 5 находилась яма крестообразной формы, перекрытая двумя рядами бревен. Вокруг нее была сооружена малая ограда из горизонтально уложенных плит, на которую опиралась конструкция в виде усеченной пирамиды. Все это сооружение увенчивала грунтовая площадка, сложенная из хорошо утрамбованной глины и песка. С восточной стороны в яму вел коридорообразный вход шириной 1 м. Крестообразная камера имела размеры 3,3×3,5 м. Ее заполнение составляли мощные слои угля и прокала. На полу ямы было обнаружено семь сильно обожженных сосудов. В северо-западном углу, на материковом выступе, находилось несколько кальцинированных косточек, которые, по мнению автора раскопок, могли принадлежать жертвоприношению. Костры неоднократно разводились как в самой камере, так и внутри полой пирамидальной конструкции, которая в итоге погибла от огня [Малютина, 1984, с. 63–64, 71–72].

На данном памятнике имелось еще одно сооружение, связанное с отправлением сходных ритуалов, — курган № 13. Под ним была обнаружена массивная, почти квадратной формы ограда, в центре которой находилась погребальная камера, перекрытая бревенчатым настилом со следами мощного воздействия огня. Поверх настила, как и в кургане 5, располагалась площадка из утрамбованной глины. На перекрытии были найдены череп и кости скелета собаки. Камера делилась на два «отсека» материковым выступом. Они были соединены проходом, который вел к коридору из каменных плит, примыкавшему к восточной стене сооружения. У входа в южный «отсек» на вымостке из камней стоял сосуд [Там же, с. 67–68].

Итак, в Южном Зауралье погребальный обряд федоровцев обладает лишь немногими общими чертами с раннечеркаскульским, о котором дают представление материалы могильников Березки Vg и Перевозный Ia:

1. Круглые ограды, построенные при помощи горизонтальной кладки (впрочем, раннечеркаскульские оградки, в отличие от федоровских, очень малы по размерам).
2. Центрально- и линейно-одиночная планировка могил.
3. Простые грунтовые ямы.
4. Кенотафы.

5. Широтная ориентация ям.

Весьма показательным является отсутствие в двух раннечеркаскульских могильниках таких выразительных компонентов обрядности южноуральских федоровцев, как курганы и курганы-ограды, линейная планировка могил, деревянные и каменные внутримогильные конструкции, трупосожжения и другие проявления культа огня, керамические блюда, жертвоприношения и заупокойная пища в виде частей туш животных. Любопытно, что даже для той части обширной федоровской ойкумены, где обряд ингумации доминировал или играл заметную роль, мало характерны такие признаки, как восточная ориентировка умерших (ее следствием является размещение керамики в этой части могил) и их положение на правом боку, свойственное ранним черкаскульцам.

Значимых общих элементов федоровской и развитой (поздней) черкаскульской погребальной обрядности гораздо больше:

1. Курганы и курганы-ограды.
2. Круглые и квадратные ограды, построенные посредством горизонтальной (также и цистовой) кладки.
3. Центральное-одиночное, линейное и линейно-одиночные принципы планировки могил.
4. Простые грунтовые ямы и ямы с деревянными конструкциями (обкладка стенок, срубы, перекрытия, в том числе комбинированные).
5. Широтная ориентация могил.
6. Кремация на стороне как единственный способ обращения с умершими.
7. Кенотафы.
8. Расположение сосудов у западной стенки ямы.
9. Керамические блюда.
10. Остатки напутственной пищи в виде отдельных костей животных (лопатки, ребра) в могилах и жертвоприношений вне могил.
11. Непогребальные сооружения, связанные с отправлением огненных культов, на территории могильников¹.

¹Количественное соотношение вариантов некоторых обрядовых признаков в сравниваемых группах зачастую неодинаково (например, у федоровцев в рассматриваемом регионе примерно равное количество земляных курганов и курганов-оград, у черкаскульцев курганы-ограды преобладают и т.п.). Следует, однако, помнить, что выборка развитых и поздних черкаскульских памятников невелика.

Подчеркнем, что в Южном Зауралье памятники развитой и поздней фазы черкаскульской культуры, при всем своем сходстве с федоровскими, имеют и ряд особенностей. Для них в гораздо большей степени характерны квадратные и прямоугольные ограды и пристройки, расположение остатков кремации у западной стенки ямы, специфичны спаренные могилы и перекрытия в виде мощных накатов из 1–2 слоев бревен, далеко выходящих за пределы ямы. Черкаскульские непогребальные культовые сооружения конструктивно отличаются от федоровских.

Таким образом, в Южном Зауралье обрядность федоровских памятников демонстрирует довольно значительное сходство с обрядностью развитой и поздней фазы «черкасуля», но имеет намного меньше общих черт с раннечеркаскульской. Это заставляет с известной осторожностью отнестись к идеям о разделении коптяковского «ствола» на черкаскульский и федоровский (М. Ф. Косарев) или предкоптяковского (керамика «нерасчлененного» типа) на коптяковский, черкаскульский и федоровский (М. Ф. Обыденнов, А. Ф. Шорин), хотя, разумеется, не исключает возможности генетического родства между черкаскульской и федоровской культурами на несколько более глубоком генетическом (и соответственно хронологическом) уровне (Л. П. Хлобыстин).

На наш взгляд, наличие в погребальном ритуале черкаскульцев целого ряда федоровских элементов вполне может объясняться интенсивными контактами двух культур, имевшими место на территории Южного Зауралья в XIII–XII вв. до н. э. [Стоколос, 1972, с. 84–85, 92, 131–132, 138–141, 144–146]. В литературе высказано мнение, что в ходе этих контактов могли складываться даже «совместные черкаскульско-федоровские коллективы, которые затем осваивали новые регионы к западу и, возможно, к востоку от Урала» [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 109]. Впрочем, активное взаимодействие носителей двух культур не повлекло за собой ассимиляции черкаскульцев федоровцами, о чем свидетельствуют, в частности, некоторые упомянутые выше особенности черкаскульской погребальной обрядности.

Все сказанное отнюдь не означает, что идея близкого родства черкаскульской и федоровской культур и их оформления в сопредельных ареалах должна быть отброшена, как непродуктивная; наоборот, она требует всесторонней верификации как на базе уже имеющегося материала (можно, к примеру, изучать и сравнивать не только декор, но и технологию изготовления керамики носителями обеих культур и т. п.), так и посредством каких-либо новых данных¹.

¹Вероятно, многое прояснили бы дальнейшие исследования раннечеркаскульских погребальных памятников. Дело в том, что мы не знаем, насколько адекватное представление о погребальной обрядности черкаскульцев в XIV–XIII вв. до н. э. дают могильники Березки Vг и Перевозный Ia. В них очень много детских захоронений, а детей, как известно, не всегда хоронят по одному со взрослыми обрядом. У федоровцев Хакасско-Минусинской котловины в детских курганах-кладбищах совершенно нет кремаций, костяки зачастую лежат головой в восточный сектор, хотя умерших взрослых нередко сжигали, а

при ингумации ориентировали на запад. Для федоровской культуры характерно также положение умерших детей в одиночных захоронениях на правом боку, в то время, как умершие взрослые в аналогичных условиях уложены на левый бок. Вместе с тем в подтверждение нашей точки зрения можно упомянуть исследованные в Башкирии позднечеркаскульские захоронения могильника Тартышево I, в которых умершие взрослые погребены по способу труположения на правом боку, головой на восток [Сальников, 1967, с. 372-373]. С другой стороны, это может быть объяснено как результат взаимодействия со срубными племенами.

Литература

- Андроновская культура*. Вып. 1: Памятники западных районов // САИ. 1966. Вып. В3-2.
- Виноградов Н. Б., Костюков В. П., Марков С. В.* Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.
- Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984.
- Крутских Н. А., Шорин А. Ф.* Черкаскульский могильник в Челябинской области // СА. 1984. № 4. С. 150–162.
- Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Кузьмина Е. Е.* О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- Малютина Т. С.* Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкир. ун-т, 1984. С. 58–79.
- Малютина Т. С.* Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф.* Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.
- Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Сальников К. В.* Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области // МИА. 1940. № 1.
- Сальников К. В.* Раскопки у с. Ново-Бурино // СА. 1959. Т. 29-30.
- Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Старков В. Ф.* Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. 1970. № 1.
- Стефанов В. И., Днепров С. А., Корочкова О. Н.* Курганы федоровского типа могильника Урефты I // СА. 1983. № 1.
- Стоколос В. С.* Памятник эпохи бронзы — могильник Черняки II // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. 1968. № 191.
- Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М., 1972.
- Хлобыстин Л. П.* Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976.

Москва, Институт археологии РАН